

А.А. Сенковская

**Осип Иванович Сенковский.
(Барон Брамбеус)**

**Биографические записки его
жены**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Сенковская**
Осип Иванович Сенковский. (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены / А.А. Сенковская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-517-96746-6

Осип Иванович Сенковский. (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены.

ISBN 978-5-517-96746-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Его не стало! Того, кто былъ славою, гордостью, счастьемъ всей моей жизни—уже нѣтъ! Его глаза закрылись и прекрасная душа, улетѣла въ вѣчную отчизну, гдѣ ожидаетъ моей души, оставивъ мнѣ на землѣ только одно утѣшеніе, одну надежду—свидѣться, соединиться *тамъ*. Знаю, что не я одна оплакиваю его; не только сожалѣніе тѣхъ, кто былъ привязанъ къ нему узами родства, дружбы, знакомства болѣе или менѣе короткаго, провожаютъ его въ могилу: имя его гремитъ далеко и, я знаю, вся Россія соединится со мною, чтобы оплакать его и вознести къ Богу теплыя молитвы о его вѣчномъ успокоеніи.

Да, душа любимая, душа обожаемая, покойся въ мирѣ на лонѣ твоего создателя! Ты исполнилъ на землѣ свое назначеніе! Твоя неутомимая дѣятельность не знала отдыха въ этой жизни; отдохни хоть теперь! Геній, данный тебѣ Богомъ, былъ тяжкимъ бременемъ для тебя; тебѣ казалось, что ни одна минута въ жизни не должна быть потеряна....

Краткихъ минутъ жизни, выпадающихъ на долю человѣку, ему, казалось, было недостаточно; онъ на день задавалъ себѣ трудъ, котораго невозможно было кончить и въ много дней. Сколько

замысловъ, сколько идей роилось въ его головѣ; недоставало только времени, чтобы осуществить ихъ. Много онъ сдѣлалъ, но гораздо-больше еще осталось не конченнымъ. Его литературная жизнь—книга, открытая для всѣхъ; всякій можетъ читать ее, разбирать, объяснять; но внутренняя жизнь его, внутренняя работа его мысли.... Кому это можетъ быть извѣстно кромѣ той, которая была его подругою впродолженіи тридцати лѣтъ, съ существованіемъ которой сливалось его существованіе и отъ которой у него никогда не было никакой тайны. Настало время поднять завѣсу, которая покрывала эту прекрасную жизнь и оставляла на виду только то, что не могло быть скрыто и было имъ самимъ отдано публичности. Развѣ нельзя, развѣ не должно наконецъ раскрыть тайну этого исключительнаго существованія? Другимъ предоставляю я трудъ собрать, распределить по отдѣламъ, разобрать и оцѣнить его произведенія. Но, мнѣ сказать, почему то, что онъ сдѣлалъ, было такъ прекрасно; мнѣ объяснить, какъ эта огромная масса ума, учености, познаній всѣхъ родовъ, могла вмѣщаться легко и свободно въ одной головѣ.

Чувствую, что я слаба для важнаго и священнаго труда, который предпринимаю; знаю, что все, что скажу, будетъ ниже того, что я хотѣла бы сказать; но сознание безсилія не должно останавливать меня: того, что я скажу, никто другой не можетъ сказать вмѣсто меня, потому что никто кромѣ меня не зналъ всѣхъ изгибовъ его сердца; никто какъ я не сходилъ въ самую глубину его

мысли. Я буду исключительно входить въ тѣ подробности, которыхъ сама была свидѣтельницей и которыя напечатлѣлись неизгладимыми чертами въ сердцѣ и въ памяти моей.

Мой мужъ, никогда не любилъ говорить о себѣ, а когда случалось, то говорилъ всегда съ такою скромностью, что самые факты становились непонятными. Часто нельзя было даже вѣрить тому, что онъ говорилъ о себѣ. Поэтому я не могу отдать такого подробнаго отчета, какого бы желала, о его дѣтствѣ, молодости, отомъ времени, когда я его еще не знала. Я хочу рассказать только главные факты такъ, какъ они дошли до меня, предоставивъ себѣ удовольствіе описать во всѣхъ подробностяхъ жизнь моего мужа съ той минуты, какъ я стала его подругою.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій родился 19 марта 1800 г., въ Антоколѣ, имѣнни своего отца, въ 50 верстахъ отъ Вильны. Отецъ его былъ родомъ изъ древней знатной фамиліи, воспитанъ въ роскоши, обладалъ богатствомъ, блестящимъ умомъ и очаровательной наружностью, однакожъ не сумѣлъ составить счастья своей достойной супруги, матери Осипа Ивановича. Онъ умеръ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака, растративъ все свое имѣніе и оставивъ вдову съ двумя малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью, почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Добрая мать поняла всю силу отвѣтственности возложенной на нее. Это была женщина, которая соединяла въ себѣ всѣ достоинства ума и сердца. Едва сынъ ея началъ лепетать первыя слова, какъ необыкновенныя

способности его уже стали проявляться и сдѣлали его предметомъ неусыпныхъ заботъ и попеченій матери. Все, чѣмъ могла она располагать: знанія, денежные средства—все было посвящено сыну, блестящая будущность котораго уже предвидѣлась.

Въ то же самое время дочь воспитывалась въ Вильнѣ, въ монастырѣ Визитантинокъ.

Первымъ преподавателемъ О. И. была его мать. Она положила основаніе той громадной извѣстности, до которой онъ достигъ. Вскорѣ явился у нея помощникъ въ лицѣ мужа ея сестры, профессора Гродека, для котораго было наслажденіемъ заниматься съ необыкновеннымъ ребенкомъ. Маленькій Жозефъ восхищалъ своего наставника быстротой соображеній и необыкновенной легкостью, съ которой понималъ и усваивалъ все, что объясняли ему. Трудъ, взятый на себя добрымъ профессоромъ, скоро сдѣлался счастьемъ всей его жизни. Мой мужъ рассказывалъ мнѣ, что почтенный ученый до того любилъ своего ученика и племянника, что не позволялъ при себѣ хвалить другихъ дѣтей: это приводило его въ ужасный гнѣвъ и онъ не постигалъ возможности помнить о какомъ-нибудь шалунѣ, когда можно было говорить о маленькомъ Жозефѣ.

Впрочемъ, добрый ученый профессоръ дѣйствительно гордился своимъ ученикомъ, предназначеннымъ для блестящей будущности. Онъ перешелъ почти прямо изъ рукъ ученаго, который приготавливалъ его, въ Виленскій Университетъ, гдѣ окончилъ курсъ, пробывъ до того очень короткое время въ приготовительной школѣ, въ родѣ на-

пихъ гимназій. Но и въ университетѣ еще дядя былъ для него наставникомъ, безотлучнымъ товарищемъ и способствовалъ быстрымъ, огромнымъ успѣхамъ, которые дѣлалъ Сенковскій по всемъ отраслямъ наукъ.

На вакаціи Сенковскій пріѣзжалъ въ имѣніе, гдѣ жила его мать вмѣстѣ съ единственной сестрою, супругой ученаго наставника. Это имѣніе, наслѣдственное достояніе матери Осипа Ивановича было уступлено ею сестрѣ, для того чтобы получить черезъ эту жертву возможность воспитывать сына и жить самой остатокъ жизни въ этомъ имѣніи.

Пріѣздъ молодаго студента, умнаго, блестящаго, былъ всегда эпохою счастья въ семействѣ. Сенковскій былъ счастливъ какъ и другіе; онъ съ наслажденіемъ пользовался чистымъ деревенскимъ воздухомъ, нѣжной заботливостью, которою окружали его, и нѣсколькими минутами отдыха послѣ учебныхъ трудовъ, которымъ въ продолженіи столькихъ мѣсяцевъ посвящалъ дни и ночи.

Неизмѣнное прилежаніе и постоянство, соединенныя съ блестящими, необыкновенными способностями, привели Сенковскаго къ окончанію университетскихъ наукъ въ такіе годы, когда другіе молодые люди только-что начинаютъ ихъ: на двадцатомъ году онъ окончилъ все курсы, которые предполагалъ пройти. Нужно ли говорить, что экзамень его былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и показалъ все, чего можно было ожидать въ будущемъ отъ необыкновеннаго молодаго человѣка.

Но, человѣку не дано быть мудрымъ вполнѣ.

Всегда есть какая-то сила, уравнивающая исключительности! Этот обширный умъ, развитый такъ рано, раньше времени, назначеннаго самою природою, не мѣшалъ однакожь Осипу Ивановичу платить дань человѣческой природѣ и ея слабостямъ. Можетъ-быть также, что, развитый умственно не по лѣтамъ, онъ чувствовалъ себя гораздо старше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и почиталъ себя довольно мудрымъ, чтобы сдѣлать самую большую глупость, какую сдѣлалъ онъ въ жизни.

Женщины гонялись за студентомъ - ребенкомъ, уже увѣнчаннымъ славой, и каждая старалась отбить у другой его сердце. Гений не мѣшаетъ человѣку быть чувствительнымъ, и Осипъ Ивановичъ не долго могъ защищать свое сердце. Онъ отдалъ его безусловно первой женщинѣ, которая серьезно захотѣла овладѣть имъ.

Молодой человѣкъ повѣрилъ матери свою любовь и свои намѣренія. Та сначала смѣялась, воображая, что все это одно ребячество, но когда увидѣла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, она заговорила иначе и строго приказала любимому сыну выбросить изъ головы несвоевременную затѣю.

Не смотря на нѣжность, почтеніе, благодарность, обожаніе, которыя Осипъ Ивановичъ питалъ къ своей матери, страсть взяла свое и женитьба совершилась втайнѣ. Какъ долго онъ былъ счастливъ, не знаю. Кажется, что слишкомъ молодой мужъ скоро соскучился: семейная жизнь съ ея обязанностями по хозяйственнымъ заботамъ

оказалась ему не по плечу, и онъ впалъ въ отчаяніе.

Во что бы то ни стало, ему нужно было пространство, воздухъ, свобода, возможность возобновить опять свою дѣятельную, ученую жизнь, которой онъ еще не умѣлъ согласить съ новымъ своимъ положеніемъ. Тогда-то пришло ему на мысль предпринять путешествіе на Востокъ. Въ университетѣ онъ занимался специально восточными языками. Что лучше путешествія могло развить въ немъ страсть къ наукѣ и обогатить его новыми познаніями? Едва задуманное предпріятіе было исполнено безъ отлагательства. Хорошая мать употребила послѣднія деньги, чтобъ доставить сыну средства для этого путешествія.

Къ сожалѣнію, я не могу слѣдовать за Осипомъ Ивановичемъ въ Азію и Африку и рассказать, что онъ дѣлалъ въ продолженіи своего путешествія. Незамѣнимой потерей будетъ всегда, что онъ самъ не описалъ этого путешествія съ тою подробностію, какой они заслуживали. Желаніе и намѣреніе было у него, но время, этотъ страшный деспотъ гениальныхъ людей, всегда было ему помѣхой. Вѣчно окруженный, заваленный занятіями, онъ никогда не могъ найти свободнаго времени, чтобъ исключительно заняться описаніемъ этого интереснаго путешествія. Кой-какія воспоминанія объ этихъ далекихъ странствованіяхъ разбросаны у него въ разныхъ сочиненіяхъ — все остальное онъ унесъ съ собой въ могилу.

Это путешествіе имѣло огромное вліяніе на его жизнь. На мѣстѣ онъ занялся фундаментальнымъ

изученіемъ языковъ, которыхъ поверхностное знаніе обыкновенно считается уже большою ученостью. Онъ говорилъ такъ же правильно и хорошо какъ народы, между которыми жилъ; выговоръ его былъ такъ вѣренъ и хорошъ, что природные жители принимали его за одного изъ своихъ. Эта удивительная способность давала ему возможность коротко сближаться съ народомъ, посреди котораго приходилось ему жить; онъ могъ изучать его нравы, вѣру, обычаи, слѣдить за малѣйшими отѣнками, за образомъ мыслей, за взглядомъ на вещи. Вотъ почему Осипъ Ивановичъ всегда, во всемъ зналъ болѣе, чѣмъ сколько можно печатать въ книгахъ; вотъ откуда происходило въ немъ желаніе прибавить къ знанію другихъ тотъ излишекъ, которымъ онъ такъ мало дорожилъ и который такъ охотно расточалъ.

Во время пребыванія своего въ Константинополѣ Осипъ Ивановичъ былъ чрезвычайно хорошо принятъ нашимъ посланникомъ, графомъ Строгановымъ. Графъ вполне оцѣнивалъ достоинства молодого путешественника и предложилъ ему принять мѣсто по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ качествѣ драгомана при миссіи, оставивъ его свободно продолжать свои ученые наблюденія въ Азіи и Африкѣ, пока не откроется ваканція на то мѣсто, которое предлагалъ онъ ему.

Это предложеніе было безъ сомнѣнія чрезвычайно-лестно для Сенковскаго и онъ успѣшилъ принять мѣсто и благосклонное покровительство, которое предлагали ему графъ Строгановъ и канцлеръ Румянцовъ. Румянцовъ до самой смерти сво-

ей оказывалъ мужу моему постоянную привязанность.

Мѣсто, предложенное Строгановымъ, нравилось Сенковскому тѣмъ болѣе, что позволяло ему на свободѣ объѣхать еще непосѣщенные имъ страны. Онъ былъ въ Нубіи, когда послѣдовавшій разрывъ съ Турціей заставилъ молодаго драгомана отправиться въ обратный путь, чтобъ присоединиться къ миссіи, къ которой принадлежалъ. Онъ нашелъ ее уже въ Петербургѣ.

Здѣсь также ожидалъ Осипа Ивановича приемъ самый лестный,

Между-тѣмъ не предвидѣлось еще скорого рѣшенія вопроса о разрывѣ Россіи съ Турціей, по поводу греческаго возстанія. Определеніе Сенковскаго на мѣсто назначенія при константинопольской миссіи было отложено на неопредѣленное время, потому-что никто не могъ предвидѣть, когда будетъ заключенъ миръ и дѣла пойдутъ прежнимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ не могли быть употреблены въ дѣло рѣдкія способности, которымъ нуженъ былъ только случай, чтобы развиться. Сенковскому предложили мѣсто профессора восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Эта служба казалась ему слишкомъ важною и не нравилась, потому-что привязывала къ мѣсту. Онъ былъ тогда еще такъ молодъ и страстно любилъ путешествія. Предложеніе, однакожь, было сдѣлано въ выраженіяхъ столь лестныхъ, съ условіями столь почетными и выгодными, что отказать было невозможно. Кромѣ мѣста профес-

сора онъ былъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и сверхъ жалованья отъ университета ему предоставили содержаніе, какое слѣдовало бы при миссіи, къ сожалѣнію его, несостоявшейся. Занявъ новое мѣсто, Сенковскій исполнялъ возложенныя на него обязанности такъ, что оставилъ по себѣ неизгладимую память. Обширныхъ познаній его было болѣе чѣмъ достаточно для самаго блестящаго выполненія новой обязанности; но для Сенковскаго этого было мало. Уча другихъ, онъ самъ еще хотѣлъ учиться. Нѣсколько лѣтъ было исключительно посвящено на изученіе тѣхъ языковъ, которыхъ онъ еще не зналъ. Китайскій, монгольскій, манджурскій, тибетскій, исландскій и другіе занимали почти все его время и всѣ его мысли. Въ это время онъ издалъ свои ученныя сочиненія на латинскомъ, арабскомъ, персидскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ. Тогда же, по случаю войны съ Турціей, онъ составилъ *Карманную книжку для русскихъ воиновъ*, (турецкіе разговоры съ русскимъ переводомъ). Онъ занимался неутомимо, мало посѣщалъ общество, которое никогда его не привлекало, и находилъ удовольствіе только въ своемъ трудѣ и изученіи.

Между-тѣмъ молодой и уже знаменитый ориенталистъ отовсюду получалъ самыя летныя приглашенія. Всякій старался привлечь его, и всякому, казалось, было лестно сблизиться съ такимъ примѣчательнымъ человѣкомъ. Почести сыпались на него. Виленскій и Краковскій университеты, ученныя общества Франціи, Англіи и Ирландіи приглашали его въ число своихъ членовъ. Иностран-